

Прямикова Елена Викторовна
Уральский государственный
педагогический университет,
Екатеринбург, Российская Федерация
pryamikova@yandex.ru

Вандышев Михаил Николаевич
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Российская Федерация
m.n.vandyshv@urfu.ru

Веселкова Наталья Вадимовна
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Российская Федерация
vesselkova@yandex.ru

**(Де) индустриализация малых и средних городов Урала:
опыт мультискалярного анализа**

Аннотация. Процесс (де)индустриализации мы изучаем на основе мультискалярного подхода. Индустриальность в данном случае означает не только промышленный характер предприятия, но и основу существования города. Мультискалярный подход артикулирует множественность пространственных и временных масштабов индустриальности. Значимость завода определяется в масштабах региона или даже страны, население города не просто работает на предприятии, но и «живет» этим. Поиск точек роста в условиях (де)индустриализации может оцениваться с учетом различий в масштабах старого и нового. Статья написана с использованием материалов исследовательского проекта «Масштабирование социальной памяти поколений в городах «старой» и «новой» индустриальности» поддержан Российским фондом фундаментальных исследований (№ 18–011–00456, 2018–2020).

Ключевые слова: (де)индустриализация; малый и средний город; мультискалярный подход, масштабирование; историческое наследие

Pryamikova Elena
Ural State Pedagogical University,
Ekaterinburg, Russian Federation
pryamikova@yandex.ru

Vandyshv Michail
Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russian Federation
m.n.vandyshv@urfu.ru

Veselkova Natalia
Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russian Federation
vesselkova@yandex.ru

(De) industrialization of small and medium-sized towns of the urals: the experience of multiscalar analysis

Abstract. The process of (de) industrialization we are studying on the basis of a multiscalar approach. Industrialism in this case means not only the industrial nature of the enterprise, but also the foundation of the city. The multiscalar approach articulates the multiplicity of spatial and temporal scales of industrialism. The significance of the plant is determined on a regional or even countrywide scale; the city's population not only works at the enterprise, but also "lives" with it. The search for growth points under conditions of (de) industrialization can be evaluated taking into account differences in the scale of the old and the new. The article was written using the materials of the research project "Scaling up the social memory of generations in the cities of the "old" and "new" industry" supported by the Russian Foundation for Basic Research (No. 18-011-00456, 2018-2020).

Keywords: (de) industrialization; town; multiscalar approach; scaling; historical heritage

Уютный городок с огромным, грандиозным производством – в этой метафоре отражен во многом ушедший, но все еще привлекательный для населения образ малых и средних городов Урала. Когда-то полные гордости от мощного, массивного индустриального роста, сегодня многие из этих городов переживают кризисные явления, связанные с переопределением индустриальности. После относительно стабильного и успешного существования в советский социалистический период, наступил этап экономической и социальной неопределенности, усиленный включением этих городов в сети глобальности.

В масштабах больших городов исчезновение индустриального производства часто означает повышение качества жизни горожан. Трудоустройство на индустриальном предприятии становится менее предпочтительно, нежели работа в офисе или другие виды различной, более престижной занятости, например, в IT сфере. Прекращение работы индустриального предприятия в небольших городах дает совсем другую картину. На Урале – промышленном регионе России, когда-то богатом природными ресурсами, – поселения возникали вокруг заводов, предприятие обрастало объектами городской инфраструктуры – жилыми домами, магазинами, публичными пространствами, дорогами и пр. Именно поэтому (де)индустриализация в малых и средних городах Урала может рассматриваться в терминах социальной травмы, поскольку индустриальность предстает как судьба для такого поселения.

Исследование малых и средних индустриальных городов проходило в 8 поселениях Уральского региона (Свердловская область – г. Алапаевск; г. Верхняя Салда; г. Заречный; г. Серов; Челябинская область – г. Златоуст и г. Сатка; Пермский край – г. Добрянка и г. Соликамск). В указанных городах были проведены более 160 малоформализованных интервью, в том числе мобильных и стационарных. Проведение интервью сопровождалось записью на диктофон, а также, как правило, исследовательским фотомэппингом и рисованием ментальных карт, согласно апробированной ранее авторской методологии [Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2016]. Групповые дискуссии с представителями молодого поколения горожан

(24 группы, в том числе 12 в школах и 12 в учреждениях СПО) включали набор рисуночных методик. Общее число участников групповых дискуссий составило 822 человека. Было проведено анкетирование родителей учащихся 10–11 классов. Общее число участников – 453. Таким образом, была получена информация от представителей разных поколений горожан. Для более полной и масштабной картины, анкетирование было дополнено онлайн опросом жителей городов (по анкете, аналогичной «родительской»). В итоге собран массив анкет представителей «старшего» поколения, включающий в себя 629 документов.

В своей статье «Малые и средние города Урала: индустриальность как судьба», основываясь на результатах первого этапа исследования, мы определили основные признаки привязанности населения к своим предприятиям [Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2019]. В индустриальной культуре таких поселений важное место занимает социальная память о благополучии города, пусть и относительно, в условиях СССР. Стабильно работающий завод – это стабильный доход как для отдельного рабочего, так и поддержка социальной инфраструктуры города в целом. Индустриальность в данном случае означает не только промышленный характер предприятия, но в целом основу существования города и, что существенно, значимость предприятия в масштабах региона или даже страны, но также и в масштабах города, население которого не просто работает, но «живет» этим предприятием.

Индустриальность, как её описывают социологи, образует ядро современной социальной системы, изобретенной в 18–19 веках [Гидденс, 2011]. Э. Гидденс пишет об индустриальности как одном из 4-х измерений современности, вне зависимости от масштаба применяемых технологий, будь то добыча сырья для выработки огнеупоров, с характерными грандиозными отвалами пустой породы, как в Сатке, или относительно небольшое по размерам производство оборудования для контроля, необходимое при добыче полезных ископаемых (нефти) в Добрянке. Это способ организации общественных отношений, находящий свое воплощение и в масштабе относительно небольших поселений, и в масштабе организации деятельности конкретных экономических субъектов, будь то государство или корпоративные собственники [Хабермас, 2010]. Индустриальность пронизывает собой всю сеть социальных отношений. Она не имеет идеологического содержания, и тем самым масштабирует, т.е. задает единую систему координат и для социалистических/советских и капиталистических обществ.

Малые и средние индустриальные города Советского Союза в силу своего изначального происхождения были вписаны в структуру экономического производства всей страны. Вместе с заводом они являлись частью экономической системы СССР. Процесс (де)индустриализации может быть проанализирован на основе мультискалярного подхода как изменение масштаба предприятия и, как следствие, всего города.

В своем исследовании мы используем этот подход, артикулирующий множественность пространственных и временных масштабов индустриальности [Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2017]. Прибегая к аналитическим ресурсам

данного подхода, мы можем увидеть ситуацию (де)индустриализации в различных проекциях. В СССР масштаб завода определялся потребностями страны, масштаб города – потребностями завода в рабочей силе, экономическая система были неотделима от интересов государства в целом. А государство было заинтересовано в том, чтобы за населением сохранялись гарантии, обещанные советским строем. Изменение отношений собственности способствовало перемасштабированию деятельности акторов. До сих пор ощущая себя частью страны и её экономической системы, жители искренне недоумевают, почему производимый ими алюминий, например, в случае Красноуральска, оказался вдруг не нужным, не востребованным на рынке страны [Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2016].

Меняется спрос на продукцию предприятия на рынке, но бизнес-решение собственника по масштабу не сопоставимо с изменением мироощущения жителей целого города. И основания для оценки ситуации у них совершенно разные. Собственник по-другому оценивает масштаб предприятия и города, для него это всего лишь отдельное предприятие, которое может быть прибыльным или убыточным в системе его корпорации, акционерного общества и т.д. Соответственно в рыночных условиях собственник предприятия решает, выгодно ли ему сохранять производство на данной территории, он производит расчет вложения капитала и получения прибыли, который в любом случае будет главным в решении такой задачи. Сам город, его жители никак не учитываются, более того могут рассматриваться как «обременение», потому что на «социалку» придется тратиться.

Население может интересовать собственника как совокупность актуальных и потенциальных работников, однако при высоком уровне трудовой миграции подобная ценность жителей города может сильно девальвироваться. Кроме того, снижение спроса на глобальных, национальных или региональных рынках, как в случае Верхней Салды или внедрение новых технологий, как в случае Сатки, сокращает городской рынок труда и занятости. Город все больше и больше теряет такие «жизненные» связи с заводом, все больше превращаясь в генератор издержек.

Жесткая привязка к экономической системе обернулась сегодня для уральских городов проблемой жестокой конкуренции. Конкурентоспособность города в логике экономической системы в значительной части связана с конкурентоспособностью предприятия. И действительно, самое простое объяснение бедствий местных жителей – экономическое, не работает предприятие, нет рабочих мест. Сегодня женская часть населения трудится на бюджетных отраслях – в образовании, медицине, а мужская вынуждена искать заработки в других местах, очень часто вахтовым методом. Прекращение работы предприятия означает и оскудение городского бюджета. В администрации одного из городов, оказавшегося в ситуации прекращения работы градообразующего предприятия, нам так и сказали, «вот если бы пришел кто-то с мешком денег», то можно было бы разговаривать о каком-то развитии, а так полная безнадежность.

Масштаб нового производства, приходящий на смену старому (традиционному), не сопоставим своими масштабами. В городе могут возникать и вполне успешно

функционировать предприятия по производству одежды, продуктов, промышленной аппаратуры. Для горожан это все не то, будущее без большого завода вызывает страх и неопределенность.

Государство пытается поддерживать города, оказавшиеся в сложной ситуации, через создание особых зон, например через открытие индустриальных парков (например, Богословский парк в Краснотурьинске), территорий опережающего социально-экономического развития – ТОСЭР (в том же Краснотурьинске, Далматово и др.), особых экономических зон (Титановая долина в Верхней Салде), но жесткая логика экономической конкуренции задает очень сложные условия для организации бизнеса (отдаленность территории, проблема с транспортными путями и т.д.).

Оценка возможностей выхода на траекторию устойчивого развития, с учетом жесткой зависимости «город – предприятие», редко задает какие-либо стоящие перспективы. Наличие полезных ископаемых, которые рано или поздно закончатся, не может гарантировать устойчивое развитие. Наличие высоких технологий в большей степени сосредоточено в крупных городах. Индустриальность Урала основана на добыче полезных ископаемых, на металлургическом производстве, ценность которых уже не так высока в современном обществе. Иными словами, если мы говорим о масштабировании значимости производства, то для большей части уральских предприятий масштаб будет весьма скромным. Поставщики сырья или промышленных полуфабрикатов утратили свою символическую значимость по сравнению с развитием новых технологий.

Закрытие заводов, их модернизация привели к появлению значительных пустот в пространстве города. В городе Алапаевск металлургический завод был основан в 1 704 году и просуществовал до 2018 года. Сейчас место завода огорожено забором, цеха и оборудование разобраны и сданы в переработку. В пространстве города образуется «незавершенное» место, прежние смысловые значения которого перестали быть актуальными, а новые так и не возникли.

Точно такие же места можно встретить во многих городах Урала. Оружейное производство Златоуста, которое из крупного и централизованного перешло в формат 50 с лишним мастерских. Опустевшее пространство ждет своего часа. Такие незавершенные места есть в любом городе, но в малых городах эта пустота приобретает особое значение. Во-первых, данное место связано с утратой, напоминает о конце стабильного прошлого, об окончании советского времени. В г. Верхняя Салда практически вся зона пруда, место нахождения металлургического завода, представляет собой руины, огороженные покосившимся деревянным забором. Остатки неработающего завода тем самым связаны и с печальным состоянием водоема. Утрата в прошлом, во-вторых, могла бы обозначать приобретение в будущем, если бы расчистка городского пруда стала основой для создания места отдыха, но никто не торопится преобразовать это пространство, и оно утрачивает уже и потенциал будущего возрождения в глазах местного населения.

В то же время (де)индустриализация принуждает искать новые траектории движения, основанные на поиске возможностей капитализации, изменении

расстановки сил в пространстве города. Что можно капитализировать в небольшом уральском городе? Один из вариантов – переосмысление, переопределение, новое прочтение исторического прошлого. Алапаевск, в котором 1,5 года жил юный Чайковский, давно капитализировал эту ситуацию. На сайте музея можно познакомиться с информацией об уникальной коллекции музыкальных инструментов, которая насчитывает около тысячи экспонатов и миниатюрные модели, выполненные В. Б. Городиловой. Многие музыкальные инструменты звучат. Посетители музея могут представить себя участниками старинного бала, глядя на изображение и слушая звуки старого механического органа [Дом-музей П. И. Чайковского.]. Тот же самый Алапаевск совершенно преобразился в процессе подготовки к «царским дням», 100-летию со дня гибели царской семьи. Такие процессы происходят в различных городах. Задаются новые масштабы, происходит актуализация прошлого. «Если в советское время музеи действовали по правилам, предписанным им государством, и подчинялись единой политике, сейчас они диверсифицируются, кооперируются с другими организациями, выходят в городское пространство, экспериментируют с технологиями и противоречивыми темами» [Максимова, 2014: 16].

Логика пространственного подхода и различных вариантов капитализации актуальна для малых и средних индустриальных городов [Бурдые, 2002; Бурдые, 2019]. Как развиваться дальше? Оптимальный вариант и администрация, и жители видят в реиндустриализации, в надежде на то, что особые экономические условия привлекут в город крупных инвесторов. Как мы уже отмечали, процессы реиндустриализации возможны, но далеко не всегда успешны, поэтому руководство и жители города рассматривают самые разные варианты, различные аспекты символического капитала города [Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2016].

Символический капитал, как показало наше исследование, наполняется различным содержанием и вовсе необязательно помещает индустриальные города в одну категорию. Во-первых, по-разному масштабируется «глубина» истории города и предприятия. Почти классикой является утверждение, что история города начинается с завода, но сотрудники краеведческих музеев, краеведы демонстрируют находки, свидетельствующие о значительно дальше отстоящих событиях и артефактах. Начиная от Шигирского идола и заканчивая различными поселениями с присущими им легендами о русалках и прочих нереальных существах. Во-вторых, знаковые фигуры известных горожан и выходцев из города также является ресурсом для развития и приращения символического капитала. Это находит свое воплощение в местных топонимах, присвоении различным объектам (например, школам) имен известных горожан (даже если их вклад в развитие города выглядит несколько сомнительным). В-третьих, включенность в уже сложившиеся представления о культурном и историческом наследии (не всегда связанном с индустриальностью, как в случае Соликамска). Таким образом, казалось бы, очевидная связка между историческим наследием города и его символическим капиталом оказывается не такой и очевидной. В

одних городах индустриальность в прямом смысле затоплена⁶⁵³ и стала источником разнообразных символически насыщенных историй, в других городах акторы ищут новые возможности символической капитализации, никак не связанные с индустриальностью. Соотношение различных видов капитала и возможностей определения более широкого масштаба создает особую разметку социального пространства (неравномерность распределяемого капитала).

Тем не менее, оптимизм музеефикации и города для туристов далеко не всегда обоснован. Не совпадают масштабы, с чего бы туристам со всего мира ехать в какой-то маленький город [Трубина, 2016]. Музеефикация может осуществляться не только для привлечения потока туристов. Сожаления по поводу переставшего работать завода могут провоцироваться страхом исчезновения памяти людей, работавших на этом заводе, что означает и совместные будни, и совместные праздники. На презентации проектов сохранения индустриального наследия сотрудница краеведческого музея г. Арамиль рассказывала о том, что ветераны завода, сотрудники музея и другие активисты города объединились, чтобы не дать окончательно разрушиться зданию бывшей суконной фабрики. Такая же инициативная группа планирует развивать как индустриальный памятник Пороги – одну из старейших электростанций России (построена в 1910 году), которая находится рядом с городом Сатка Челябинской области. Такие проекты, освещаемые и поддерживаемые в рамках Лаборатории индустриальности⁶⁵⁴, (пока) не создают ажиотажа у большей части местного населения, они не могут решить проблему создания рабочих мест, занятости населения и даже пополнения городского бюджета, но они могут подчеркнуть значение другой составляющей индустриальности, создавая представление о ней как о культуре уходящего общества.

Индустриальность мы рассматриваем как качество социального пространства. Пространство малых и средних городов Урала преобразуется, одни сохраняют свою промышленную сущность, другие, оказавшись в условиях кризиса, остановки или значительного сокращения объема выпускаемой продукции, вынуждены искать способы либо (ре)индустриализации, либо альтернативных вариантов развития символического капитала города. Осуществляется музеефикация наследия, преобразование историко-культурных или природных объектов в объекты широкого показа с целью максимального сохранения и выявления их историко-культурной, научной, художественной ценности. Процессы преобразования городского пространства могут быть рассмотрены на основе мультискалярного подхода, который позволяет оценить возможности новых точек роста.

⁶⁵³ Речь идет о Добрянке, города в Пермском крае, одним из любимых рассказов жителей является история затопления металлургического завода при образовании Камского водохранилища.

⁶⁵⁴ «Лаборатория индустриальности» реализуется Центром развития и поддержки современного искусства «ЗА АРТ» при поддержке Благотворительного фонда Владимира Потанина в рамках проекта 5-й Уральской индустриальной биеннале «Индустриальность и культура».

Библиографический список

Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Том 3. № 5. С. 60–74.

Бурдые П. Экономическая антропология: курс лекций в коллеж де Франс (1992–1993) М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 416 с.

Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. Малые и средние города Урала: индустриальность как судьба // Пути России. Границы политики. 2019. С 172- 187.

Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. Места памяти и символический капитал территорий в ментальных картах горожан // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 3. С. 101–111.

Веселкова Н., Вандышев М., Прямикова Е. Места памяти в молодых городах. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2016. 392 с.

Веселкова Н., Вандышев М., Прямикова Е. Молодые города: масштабы мест памяти // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 36–65.

Гидденс Э. Последствия современности. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. 352 с.

Дом- музей П. И. Чайковского [Электронный ресурс] // Дом- музей П. И. Чайковского: [веб-сайт]. URL: <http://uole-museum.ru/museums/dom-muzej-p-i-chajkovskogo/> (дата обращения: 30.05.2020).

Максимова А. С. Формы и следствия музеефикации малого города: кейс Мышкина и Каргаполя // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 5. С.15–24.

Трубина Е. Г. Приоритеты властей и опыт жителей сквозь призму полимасштабности: случай Кулдиги (Латвия) [Электронный ресурс] // Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. С. 262- 280. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/73441/1/10.17223-2312461X-14-14.pdf> (дата обращения: 30.05.2020).

Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Праксис, 2010. 264 с.